

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 2 / 2025, Iss. 2 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 94(497)(470+575)"1877/1878"

Проблема организации работы отечественных и зарубежных военных корреспондентов на Балканском театре русско-турецкой кампании

¹ Кургузов Д.А.

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: одной из наименее исследованных проблем отечественной военной истории остается вопрос, посвященный функционированию института военных корреспондентов в период сражений на Балканском полуострове. Русско-турецкая война отличалась от привычных кампаний, демонстрируя во многих отношениях противоречивый и даже парадоксальный характер. Это была, пожалуй, первая военная акция в истории Российской империи, возникшая помимо воли монарха и его ближайшего окружения, будучи спровоцированной мощным напором общественного сознания. Именно в этой чрезвычайной ситуации в России обрело силу влияние взглядов широкой публики, которая фактически вынудила правительство поддержать борьбу единоверных славян и приступить к военной операции.

Возросший интерес российского общества и печати к событиям, разворачивавшимся на Балканах, выдвинул на повестку дня вопрос о деятельности корреспондентов, аккредитованных при действующей армии.

Ключевые слова: военные корреспонденты, Балканский конфликт, русско-турецкая война, позиция российской прессы, роль прессы в формировании общественного мнения

Для цитирования: Кургузов Д.А. Проблема организации работы отечественных и зарубежных военных корреспондентов на Балканском театре русско-турецкой кампании // Современный ученый. 2025. № 2. С. 197 – 205.

Поступила в редакцию: 16 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 3 февраля 2025 г.

The issue of organizing the work of domestic and foreign war correspondents in the Balkan theater of the Russo-Turkish campaign

¹ Kurguzov D.A.

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: one of the least studied issues of domestic military history remains the question dedicated to the functioning of the institute of war correspondents during the battles on the Balkan Peninsula. The Russo-Turkish War differed from usual campaigns, demonstrating in many respects a contradictory and even paradoxical nature. It was, perhaps, the first military action in the history of the Russian Empire that emerged independent of the will of the monarch and his closest entourage, being provoked by the powerful pressure of public consciousness. It was in this extraordinary situation in Russia that the influence of public opinion gained strength, effectively forcing the government to support the struggle of co-religious Slavs and to begin a military operation.

The heightened interest of Russian society and the press in the events unfolding in the Balkans brought to the forefront the issue of the activities of correspondents accredited with the active army.

Keywords: war correspondents, Balkan conflict, Russo-Turkish War, position of the Russian press, role of the press in shaping public opinion

For citation: Kurguzov D.A. The issue of organizing the work of domestic and foreign war correspondents in the Balkan theater of the Russo-Turkish campaign. Modern Scientist. 2025. 2. P. 197 – 205.

The article was submitted: October 16, 2024; Approved after reviewing: December 18, 2024; Accepted for publication: February 3, 2025.

Введение

Возникает целый спектр значимых вопросов, а именно: каким образом складывались предпосылки становления системы военных корреспондентов, какими были возможности освещения хода боевых действий у отечественных и зарубежных журналистов, и в какой степени их сообщения сохраняли объективность. И нельзя отрицать, что благодаря деятельности этих военкоров современные исследователи узнали о множестве ранее сокрытых подробностей, относящихся к русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Естественно, что решающие битвы происходили именно на Балканском театре, где русские войска осуществили ключевые наступательные и оборонительные операции: заняли важнейшие болгарские территории, трижды штурмовали Плевну, яростно отстаивали Шипкинский перевал и впоследствии вышли непосредственно к Константинополю [2]. Все эти события, столь насыщенные драматическими перипетиями, завораживали внимание как российских, так и зарубежных корреспондентов.

Особую актуальность, с точки зрения становления системы информирования в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., приобретает вопрос о том, как военная цензура влияла на деятельность корреспондентского сообщества, а также насколько существенной оказывалась личная политическая позиция журналистов при описании боевых эпизодов на Балканском фронте.

Начиная еще с античных времен, вести с полей кровопролитных столкновений считались наиболее важными новостями. Даже появление новых технических возможностей, таких как телеграф, фотография и распространившаяся пресса, не изменило сути дела. Фактически возникла самостоятельная профессия – военный корреспондент, чьей главной задачей оставалось доставлять сведения о ходе военных действий. В ходе вооруженного конфликта 1877-1878 гг. данное ремесло продолжило активно развиваться, ибо масштабное внимание к Балканскому кризису

придавало особое значение ролям этих обозревателей, востребованных тогдашним обществом [5].

В контексте вышесказанного заслуживают внимания следующие аспекты:

- воздействие общественного климата в России на формирование отечественных военных корреспондентов;
- мотивы, обусловившие появление представителей зарубежной прессы в районе боевых действий;
- позиция властных структур по вопросу допуска корреспондентов в действующую армию;
- структура и численность журналистского контингента.

Противостояние 1877 года стало уже десятым вооруженным конфликтом между Россией и Османской империей. Предшествующие девять войн постепенно вносили существенный вклад в ослабление султанского государства, что фактически приблизило освобождение Болгарии, хотя в каждом таком противостоянии Россия также стремилась к конкретным практическим выгодам – выходу к Черному морю, контролю над черноморским побережьем и проливами Босфор и Дарданеллы, а также расширению своего влияния на Балканах.

Однако кампания 1877-1878 гг. обнаружила целый ряд своеобразных черт. Во-первых, у Российской империи не наблюдалось сильно выраженных собственных амбиций на Балканах [9]. Более того, правительство изначально пыталось избегать вовлечения в этот кризис, учитывая неблагоприятное расположение международных сил и зная о пагубном опыте Крымской войны. Жестокие репрессии, примененные турецкими властями для подавления Апрельского (1876 г.) болгарского восстания, вызвали взрыв негодования среди россиян и колебания в руководящих кругах, которые опасались повторения крымского сценария.

Министр Дмитрий Милютин в дневнике недвусмысленно признавался в своем потрясении при каждой мысли о трагических событиях на

Балканах, а потому по всей стране начала набирать обороты активная пропаганда в поддержку соплеменных народов. Российские газеты непрерывно освещали обсуждаемый «славянский вопрос», так что к концу лета (1876 г.) он монополюно занял всеобщее внимание. Любой, независимо от социального статуса или уровня образования, осознавал, что речь шла о спасении единоверного населения, и не мог оставаться равнодушным [1].

Таким образом, второй важнейшей особенностью русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был ее освободительный характер: российские войска выступали для спасения болгар и их ближайших соседей, потерпевших от османского гнета. Благодаря ведущей роли национальной прессы цели и задачи данного похода становились известны буквально всем слоям общества, объединяя население вокруг идеи защиты угнетенных славян. Поэтому в обществе усиливалась волна патриотического воодушевления, поддерживаемого непрерывным интересом к происходящим на фронте событиям.

Материалы и методы исследований

Весьма показательно, что, тревожась за судьбу «братьев-славян», российская публика настойчиво стремилась получать оперативные известия о ходе войны. Вероятно, бурный наплыв такой потребности оказывал бы на развитие отечественной прессы значимое влияние, даже если бы в штаб армии перед открытием боевых действий не стали приходить заявки от нескольких иностранных изданий, стремившихся направить собственных военных корреспондентов на театр грядущего конфликта.

Ходатайство о допуске военных обозревателей нашло поддержку у высокопоставленных лиц, среди которых был генерал-адъютант Н.П. Игнатьев, известный своей приверженностью панславистским идеям. В число сторонников входили также поверенный в делах в Константинополе А.И. Нелидов (впоследствии посол в Турции и во Франции) и генерал-майор прусской службы Бернгард Франц Вильгельм Вердер (впоследствии 3-й посол Германии в России).

Многие западноевропейские державы, напрямую не вступавшие в конфликт, проявляли ярко выраженный интерес к результатам русско-турецкой войны, что порождало повышенное внимание их общественности к развитию событий. Именно поэтому в ближайших к театру боевых действий районах, а также по соседству со штабами обеих противоборствующих армий, вскоре оказалось значительное число репортёров и

специальных журналистов, представлявших газеты Англии, Франции, Германии и других стран [6].

У западных государств в отношении данного конфликта существовали собственные военно-политические замыслы, выходящие за рамки предмета настоящего исследования. Следует лишь подчеркнуть, что они нередко оказывали поддержку балканским народам исключительно тогда, когда подобные действия приносили прямую выгоду им самим, а не жителям подвергшихся притеснениям областей. Вдобавок нельзя игнорировать военный аспект: в 1860–1870-е гг. в России были проведены реформы Милютин, и специалисты армий ведущих держав хотели на практике изучить, насколько повысилась боевая мощь обновлённых русских войск.

12 (24) апреля 1877 года Александр II официально подписал манифест о начале войны с Османской империей, где подчёркивалось, что, израсходовав весь потенциал мирного урегулирования, Россия по причине непоколебимого упрямства Порты вынуждена перейти к решительным мерам. В документе подчёркивалось: «Того требует и чувство справедливости; и чувство собственного нашего достоинства. Турция, отказом своим, поставляет нас в необходимость обратиться к силе оружия [8]. Глубоко проникнутые убеждением в правоте нашего дела, мы, в смиренном уповании на помощь и милосердие Всевышнего, объявляем всем нашим верноподданным, что наступило время, предусмотренное в тех словах наших, на которые единодушно отозвалась вся Россия. Мы выразили намерение действовать самостоятельно, когда мы сочтем это нужным и честь России того требует. Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска наши, мы повелели им вступить в пределы Турции».

Сразу после обнародования высочайшей воли войска отправились за Дунай. В обществе наблюдался небывалый подъём, люди искренне поздравляли друг друга с объявлением войны, в одночасье раскупались манифест и свежие газетные выпуски. Всеобщая воинственная страсть захватила разные слои населения: кто-то стремился присоединиться к действующим войскам, кто-то поступал в отряды Красного Креста, иные переводили пожертвования или поднимали тосты за успешное продвижение русских полков. Каждый пытался по-своему внести посильный вклад в победу Креста над Луной.

Именно указанные обстоятельства обусловили активную отправку на театр войны корреспондентов многих газет, и не только российских, но и иностранных [11]. Любопытно, что некоторые отечественные военные обозреватели были непосредственно вовлечены в сражения, представляя собой офицеров, которые сочетали писательский талант с навыками руководства подразделениями.

Последовательная позиция российской периодической печати и общественности, лояльно относящейся к балканскому делу, побуждала ряд изданий настойчиво искать возможности направить собственных журналистов к действующей армии. Первоначально реакция на подобные инициативы со стороны государственных институтов, в первую очередь Министерства внутренних дел, отвечавшего за надзор над периодикой и цензурой, оставалась довольно прохладной.

Уже в ноябре 1876 г., вскоре после объявления мобилизации, по ходатайству главы МВД А.Е. Тимашева при штабе действующей армии оказался поручик лейб-гвардии Уланского полка В.В. Крестовский, аккредитованный в качестве корреспондента «Правительственного вестника». Данное издание, как официальное рупор Министерства внутренних дел, представляло интересы ведомства, которое стремилось узаконить практику освещения хода войны только за счёт официальных структур [15].

Появился специальный документ, возлагавший запрет на присутствие частных газетных корреспондентов непосредственно в русской армии и оккупированных ею районах, а также на получение каких-либо телеграфных сведений о боевых действиях. Министр А.Е. Тимашев в принципе выступал против допуска сотрудников негосударственных изданий в места, близкие к полям сражений, полагая, что всё население вполне может довольствоваться информацией, публикуемой в «Правительственном вестнике» и других официальных печатных органах.

Однако подобная идея плохо согласовывалась с относительно либеральными правилами, сложившимися в сфере периодики в тот момент, а газеты уже заранее обещали своим подписчикам оригинальные военные репортажи. К тому же военный министр генерал Д.А. Милютин, придерживавшийся более прогрессивных взглядов и осознававший пользу присутствия корреспондентов на полях сражений, вступил в заочный спор с Тимашевым, настаивая на необходимости максимально гибкого подхода в информировании массовой аудитории.

Милютин указывал, что под впечатлением общемировой политической конъюнктуры, сильнейшим образом затронувшей российское общественное мнение, публика не удовлетворится скухими сведениями, оглашаемыми в «Правительственном вестнике» и «Русском инвалиде». Люди будут требовать ещё более детальных комментариев, объясняющих ход событий, и частная пресса постарается удовлетворить этот запрос, обнародуя любую доступную информацию и фактические данные [10]. Такая позиция военного ведомства, в итоге, содействовала тому, что корреспонденты разных газет всё же получили возможность оказаться в районе боевых действий и вести самостоятельное наблюдение.

Одновременно с этим Д.А. Милютин, предвидя, что неконтролируемое распространение сведений может частично раскрыть замыслы командования, добился от государя согласия на создание особого цензурного органа при военном ведомстве. Эта новая комиссия должна была осуществлять надзор за всё увеличивающимся потоком сведений, связанных с деталями боевых операций. Накануне начала военных действий данное подразделение начало формироваться под началом руководителя Главного штаба, и вскоре приобрело статус центрального механизма, призванного регулировать взаимоотношения между армией и прессой.

В это же время Главное управление по делам печати, входящее в систему Министерства внутренних дел, в экстренном порядке приступило к разработке обязательного свода предписаний, который должен был служить нормативной базой для военных цензоров. Данный документ, получивший название «Правила о печатании...» (с полным перечислением того, что именно подлежит ограничению), был подготовлен сразу после того, как возникла острая необходимость регламентировать работу с любыми материалами по вопросам перемещений войск и подготовки к сражениям.

Результаты и обсуждения

В преддверии войны внутри штаба высокие чины придерживались порой противоположных взглядов относительно того, стоит ли предоставлять корреспондентам возможность освещать события непосредственно на местах сражений. Одни считали, что твёрдая уверенность в собственной силе позволит России не бояться огласки. Другие же опасались присутствия иностранцев, поскольку подозревали, что под их прикрытием могут действовать разведчики. В итоге требовалось отыскать компромисс, и все

стороны соглашались, что недопустимо совсем закрыть глаза на влияние европейской прессы, хотя российские газеты, по мнению определённой части командования, не рассматривались в качестве реальной силы, способной формировать глобальное мнение.

Главное управление по делам печати старалось воспрепятствовать проникновению в район военных действий репортёров частных изданий, ссылаясь на то, что уже имелся официальный корреспондент, определённый из правительственных кругов [3]. Однако великий князь, являвшийся главнокомандующим, придерживался иного подхода и принял решение разрешить журналистам работать в действующей армии.

Сразу с началом конфликта в ведение армейских структур перешёл вопрос, каким образом регулировать деятельность прибывших на Балканы корреспондентов. Однако этот надзор изначально не обретал чрезмерно жёсткие формы. Вся работа с представителями отечественной и зарубежной печати доверили полковнику, ранее преподававшему военную администрацию в академии Генерального штаба. Его кандидатура была утверждена буквально за считанные дни до официального объявления войны. В ходе всей кампании он нёс на себе широкий круг обязанностей: вёл записи боевых действий, составлял оперативные сводки для императора, принимал участие в обсуждении планов предстоящих операций, дешифровывал доклады военных агентов, поступавшие из европейских стран, но главным образом отвечал за взаимодействие с журналистами, находящимися при главном штабе.

Получив назначение, он почти сразу прибыл в главную квартиру в Кишинёве и уже на следующий день представил главнокомандующему подробную записку о вопросе допуска репортёров в армейский штаб. В своём докладе полковник указывал, что попытки требовать от корреспондентов исключительно благожелательного тона или же подвергать их материалы предварительной цензуре нанесут скорее вред [7]. По его мнению, обнародование подобных ограничительных мер неизбежно вызовет недоверие публики к тем журналистам, которых допустили на театр боевых действий, и одновременно разожжёт интерес к потенциально нелицеприятным новостям в иностранных газетах, часто критически настроенных к России. Он подчёркивал, что общественное мнение в современную эпоху представляет силу, к которой необходимо относиться со всей серьёзностью, и

именно влиятельные журналисты во многом формируют это мнение.

В конечном счёте решено было содействовать приезду корреспондентов, представлявших авторитетные издания, но при этом мягко давить понять, что излишняя самостоятельность нежелательна. В ходе совещания, проведённого у главнокомандующего, доклад полковника вызвал оживлённую дискуссию. Некоторым высокопоставленным чиновникам всё же хотелось ввести предварительный просмотр материалов и запретить доступ представителям враждебных изданий. Тем не менее аргументы полковника оказались настолько убедительными, что он не только отстоял свой гибкий подход, но и получил формальное утверждение в должности, связанной с управлением корреспондентским корпусом. На этот выбор повлияли его личные качества: способность аккуратно формулировать мысли и умело выстраивать логику письменных материалов.

Министр внутренних дел по-прежнему ратовал за необходимость сохранять жёсткое применение тех правил, которые были подготовлены в недрах его ведомства. По этим инструкциям, любая корреспонденция с мест боёв должна была подвергаться процедуре предварительного просмотра ещё до отправки. Но эта мера вошла в противоречие с решением, уже согласованным в главном штабе. Вмешательство Министерства внутренних дел осложнило деятельность российских журналистов и невольно облегчило задачи иностранным репортёрам, которые, опираясь на собственные каналы связи, зачастую быстрее передавали новости за границу.

При этом соответствующие «Правила» доставили начальнику полевого штаба, но их формальное исполнение вскоре оказалось затруднено, поскольку сам полковник, отвечающий за координацию корреспондентов, не получал прямых распоряжений от начальника штаба, а подчинялся лично главнокомандующему. В результате возникли организационные несогласованности, мешавшие российским репортёрам оперативно передавать информацию.

Эту обстановку позднее описывал один из военных корреспондентов, указывая, что отправка любых телеграмм зачастую блокировалась без подписи из главной квартиры, и тогда приходилось искать обходные пути [12]. Иностранные журналисты могли решать вопрос, пересылая сообщения курьером за пределы российской зоны, тогда как для отечественных представителей подобная схема была слишком затратной и фактически ставила их в невыгодное

положение [14]. Таким образом, задержки с отсылкой материалов, вызванные локальными противоречиями в ведомственных инструкциях, приводили к недовольству работающих на месте событий авторов.

Подобные сложности сохранялись ещё несколько месяцев, когда крупными телеграфными службами продолжал заведовать один из генералов, мало считавшийся с решениями, принятыми в штабе. Однако благодаря усилиям ответственного за взаимодействие с прессой полковника, российским журналистам иногда всё же удавалось получать разрешение на оперативные передачи. В целом же вся эта история ярко иллюстрирует, насколько непросто было согласовать позицию военного и гражданского ведомств по вопросам информирования общества о ходе кровопролитных событий на Балканах.

Со временем сама практика подтвердила, насколько верным оказалось убеждение М.А. Газенкампа. Именно его докладная записка легла в основу приказа № 87 от 22 апреля 1877 года, изданного Главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем. Этим документом руководство стремилось чётко регламентировать присутствие журналистов, как отечественных, так и зарубежных, при войсках, разрешая им «сопровождать армию во время войны» лишь при условии, что командиры отдельных отрядов не находят в этом серьёзной угрозы с военной точки зрения.

Важно отметить, что изложенные в записке положения отражали стратегический замысел верховного руководства России в части взаимодействия с прессой. Военный министр, в бытность которого журналистов стали регулярно приглашать на крупномасштабные манёвры, уделял значительное внимание тому, как направить освещение армейской жизни в благоприятное для государства русло [4].

Стремясь располагать к себе представителей печати, командование делало выводы из горького опыта Крымской кампании. В те годы к немногочисленным корреспондентам, прибывшим от российских газет, фактически не проявлялось никакого интереса, тогда как репортёры из зарубежных держав, особенно Англии и Франции, освещали события под покровительством собственных редакций и при поддержке своих правительств, формируя в глазах европейской общественности удобную для оппонентов России картину.

Столкнувшись с очередным противостоянием на Балканах, власти понимали, что подобный

сценарий не должен повториться. М.А. Газенкампф ясно указывал, что спрос на достоверные известия о боевых действиях очень велик, а значит, коренным образом пресекать деятельность военных корреспондентов было бы только во вред. Если бы армия не пустила их к себе, они всё равно нашли бы обходные пути и публиковали недостоверные или предвзятые заметки, тем самым вводя в заблуждение аудиторию в самой России и за рубежом.

Разумеется, полковник Газенкампф допускал, что часть зарубежной прессы будет придерживаться недружественного тона. Однако он считал, что нейтрализовать это влияние проще, предоставив им максимально корректные сведения: чем более благожелательны окажутся публикации в ряде авторитетных изданий, тем меньше вес будет иметь негативная риторика прочих газет. Поэтому основной задачей оставалось аккуратно наладить диалог с корреспондентами, избегая жёстких ограничений, которые они могли бы попытаться обойти и превратить в громкую сенсацию.

Примерно в середине апреля в район действующей армии действительно начали прибывать многочисленные репортёры. Им предлагалось работать совместно со штабом и войсками, оперативно передавая ход событий. Учитывая возрастающую активность иностранных журналистов, командованию было непросто моментально проверять, кто из них на самом деле связан с тем или иным официальным печатным органом, а кто занимается откровенно шпионской деятельностью под видом сборщиков новостей.

Известно, что среди отдельных иностранцев встречались и те, кто, прикрываясь званием корреспондента, выполнял откровенно разведывательные поручения. Более того, некоторые из действительно работающих журналистов охотно продавали конфиденциальную информацию, чтобы получить дополнительную выгоду. В итоге стала крайне острой проблема введения чётких опознавательных знаков для допущенных к войскам репортёров, поскольку подобная символика могла бы упростить как контроль над ними, так и общее взаимоотношение военных с прессой.

Изначально группа зарубежных журналистов выдвинула идею использовать белые нарукавные повязки с красным крестом, однако она была признана неудачной. По инициативе М.А. Газенкампа участники боевых действий из числа корреспондентов должны были иметь на левом рукаве специальный знак в виде медной пластины с выгравированным государственным орлом и

номером, а также соответствующими надписями и печатью полевого коменданта. Помимо этого, репортёрам полагалось иметь фотографию с письменным подтверждением их личности – оба элемента служили своего рода пропуском и давали право находиться в расположении армии.

Вскоре выяснилось, что тяжелые металлические бляхи оказываются неудобными в повседневной эксплуатации, поэтому уже в начале июня того же года был введён новый вариант опознавательного элемента: трёхцветная повязка из шёлка с вышитым гербом и надписью «корреспондент», а под ней – индивидуальный номер [13]. Снаружи и внутри повязки ставилась печать полевого штаба или комендантского управления, без чего журналисты не допускались к позициям. Аналогичные требования распространялись и на художников, которые фактически выступали в роли фотографов, фиксируя боевые эпизоды.

Было решено разрешить корреспондентам продолжать ношение прежних металлических блях на рукаве до тех пор, пока они не изготовят за свой счёт новые тканые повязки. Аналогичная система различительных знаков применялась позднее во всех последующих конфликтах, в которых участвовали российские войска, включая русско-японскую кампанию начала XX века и мировую войну, развернувшуюся в 1914-1917 годах. Согласно правилам, которые сформулировали в 1912 году, каждый военный корреспондент обязан был иметь при себе удостоверение личности, а также постоянно носить установленную нарукавную ленту. Использование любых других повязок в качестве символа прессы официально запрещалось.

«Правила для русских и иностранных корреспондентов, допущенных в действующую армию», принятые начальником штаба Верховного главнокомандующего осенью 1914 года, устанавливали обязательное получение каждым репортёром специального удостоверения, которое следовало постоянно иметь при себе [17]. Кроме того, корреспонденты должны были носить нарукавную повязку, не снимая её во время нахождения на территории театра военных действий. Такой повязкой служила белая полоса материи, в центре которой, путём вшивания тесьмы, располагались буквы «В.К.» (военный корреспондент) или «В.Ф.» (военный фотограф). Данные требования оказались прямым продолжением того подхода, который был выработан ранее и фактически заложен Михаилом Александровичем Газенкампом. Подобные

нормы действовали в российской армии вплоть до начала коренных перемен 1917 года.

Согласно правилам, при написании материалов для печати журналисты могли ссылаться на официальные данные, приказы, рапорты в штаб, а также на собственные наблюдения и свидетельства очевидцев. Точность излагаемых фактов, разумеется, во многом зависела от личного опыта и добросовестности самих корреспондентов, поэтому в отдельных случаях происходили искажения или ошибки. Тем не менее эти описания помогали сформировать у читателей цельную картину о том, что происходило на фронте.

Наращивание числа прибывающих репортёров происходило постепенно, и уполномоченный на контроль за ними полковник Газенкампф аккуратно фиксировал каждое новое имя. По его дневниковым записям видно, что 22 апреля были допущены несколько представителей зарубежных изданий, среди которых Мак Гахан, де Вестин, Даннгауэр и фон Марее. Параллельно был оформлен документ, разрешавший российским журналистам перемещаться вместе с армией и передавать свои статьи напрямую в редакции как через почту, так и по телеграфным каналам. Двумя днями позже к главнокомандующему прибыл корреспондент из английской газеты, а через неделю пожаловали ещё два художника, стремившиеся делать зарисовки для иллюстрированных изданий. Одновременно свой пропуск получил репортёр «Петербургских ведомостей», а также некий баварский граф, выступавший для пражской газеты.

Вскоре, по подсчётам Газенкампа, число корреспондентов достигло более двух десятков, в том числе несколько российских авторов, таких как Максимов, Мозалевский, Каразин, Немирович-Данченко, Федоров и другие. Некоторые из них являлись ещё и художниками, совмещая работу писателя и живописца. Российские журналисты на Балканском фронте в итоге оказались более многочисленными, чем иностранные. Примечательно, что у ряда авторов случались перемены: так, В.И. Немирович-Данченко перешёл в «Новое время» и начал отсылать туда свои материалы. В штабе также трудились офицеры, назначенные корреспондентами «Правительственного вестника», и несколько выдающихся художников, включая В.В. Верещагина. Некоторое время спустя к ним присоединились ещё несколько живописцев, такие как П. Соколов, В. Буткевич, М. Малышев и другие, а в отряде Великого князя Владимира Александровича появился П.О. Ковалевский.

Кроме того, на Балканах работал живописец В.Д. Поленов, запечатлевший на своих полотнах героiku солдат и повседневную жизнь болгарского населения.

Наиболее полный перечень корреспондентов приводил в своих записках Н.В. Максимов, перечисляя каждого, чье фото хранилось в специальном альбоме полевого штаба. Журналисты обязаны были при себе иметь две фотографии: одна вставлялась в альбом, а другая вместе с заверенной печатью пропускала их через армейские кордоны [16]. При этом значительное число иностранных репортёров являлись офицерами Генеральных штабов своих стран, играя заодно и роль неофициальных военных агентов. Иногда подобные обязанности выполняли и официально назначенные военные специалисты, как, например, прусский майор фон Лигниц, который публиковал собственные обзоры в одной из крупных германских газет.

Однако далеко не все, стремившиеся попасть в ряды действующей армии, получали разрешение. Весной 1877 года Газенкамф отказал нескольким гражданам Германии и Англии, поскольку существовали основания подозревать, что они прибыли вовсе не с мирными целями [18]. В том числе английский подполковник, обладавший внушительным набором рекомендательных писем, был признан сомнительной фигурой, поэтому по указанию великого князя полковник исполнил приказ и воспрепятствовал доступу нежелательного гостя в расположение войск.

Выводы

В итоге представители некоторых враждебно настроенных изданий, к примеру определённых английских и австрийских газет, вынуждены были осесть в городах вроде Бухареста и опираться на отрывочные сведения, зачастую поступающие к ним через коллег или случайных свидетелей. Периодически они дополняли эту информацию собственными домыслами, что не всегда благоприятствовало объективному отражению реальности.

В целом же, количество корреспондентов оказалось вполне достаточным, чтобы обеспечить разносторонний обзор ключевых эпизодов кампании. Важную роль сыграла внутренняя обстановка в Российской империи накануне боевых действий, поскольку общество и пресса были крайне заинтересованы в свежих сообщениях и активно побуждали власти пускать репортёров на Балканы. Военное ведомство, извлекая уроки из ошибок прошедших конфликтов, особенно Крымской войны, осознавало, что именно периодическая печать способна формировать настроения населения, и потому выступило против ужесточённых мер, на которых настаивали чиновники Министерства внутренних дел.

Характерно, что российское командование, понимая возможную выгоду от публикации достоверных сведений, на определённом этапе приняло решение разрешить доступ даже некоторым зарубежным журналистам, преследовавшим собственные интересы. Подобная политика, с одной стороны, свидетельствовала об открытости страны и стремлении продолжить линию реформ, а с другой, показывала уверенность, что значительная часть иностранной прессы всё-таки сможет вынести на суд мировой аудитории относительно объективную картину происходящего.

В итоге сопоставление трудов как российских, так и иностранных корреспондентов, обладающих разным уровнем профессионализма и придерживающихся неодинаковых идеологических позиций, позволило сформировать многогранное представление о ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов на Балканах. Именно эта совокупность мнений, позиций и фактических свидетельств отражала напряжённую реальность вооружённого противостояния и оставалась ценным историческим источником для последующих поколений исследователей.

Список источников

1. Апушкин В. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 902. № 7. С. 202.
2. Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 187.
3. Воейков В.В. От Дуная до Царьграда. 1877-1878: Записки участника. М.: Университет, тип. на Страстном бульваре, 1900. С. 7.
4. Военно-историческая библиотека штаба ЛВО. Ф №8483. Записка о желательной постановке дела военной цензуры. С. 24 – 26.
5. Газенкамф М. Мой дневник 1877-78 гг. СПб., 1908. С. 5.
6. Золотарев В.А. Противостояние империй. Война 1877-1878 гг. – апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. С. 190.

7. Иванов Д.В. Русская военная цензура в эпоху реформ Александра II // Проблемы отечественной истории. М., 2000.-Вып. 6. С. 62.
8. Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877-1878). Письма в редакцию газеты "Правительственный вестник". СПб., 1879.Т. 1. С. 169.
9. Лемке М.Н. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920, С. 136 – 137.
10. Манифест Александра II об объявлении Турции войны // Русский инвалид. 1877. № 79.
11. Немирович-Данченко Вас. И. Год войны (Дневник русского корреспондента) 1877-1878. СПб., 1878. Т. 1. С. 14.
12. Никифоров К. Десятая война 130 лет спустя // Родина. 2009. № 6. С. 25.
13. Прищепа С., Шахов А. Как начинались военкоры // Журналист. 1993. № 8. С.10.
14. Проблемы отечественной истории. М., 2000. Вып. 6. С. 69.
15. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 776. Оп. 6. Д. 139. Л. 5.
16. Тимофеев В.И. М.А. Газенкамф – первый пресс-секретарь русской армии // Военно-исторический журнал. 2009. № 5. С. 57.
17. Христофоров И. Балканский эндшпиль // Вокруг света. 2007. № 4. С. 99.
18. Яковлев О.А. Военные корреспонденты в русской армии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Вестник ЛГУ. 1978. № 8. Вып. 2. С. 60 – 61.

References

1. Apushkin V. The War of 1877-78 in Correspondence and the Novel. Military Collection. 902. No. 7. P. 202.
2. Vinogradov V.I. Russo-Turkish War of 1877-1878 and the Liberation of Bulgaria. M., 1978. P. 187.
3. Voeikov V.V. From the Danube to Constantinople. 1877-1878: Notes of a Participant. M.: University, printing house on Strastnoy Boulevard, 1900. P. 7.
4. Military History Library of the Leningrad Military District Headquarters. F No. 8483. Note on the Desirable Setting of the Military Censorship Case. P. 24 – 26.
5. Gazenkampf M. My Diary of 1877-78. St. Petersburg, 1908. P. 5.
6. Zolotarev V.A. Confrontation of Empires. The War of 1877-1878 – the Apotheosis of the Eastern Crisis. Moscow: Animi Fortitudo, 2005. P. 190.
7. Ivanov D.V. Russian Military Censorship in the Era of Alexander II's Reforms. Problems of Russian History. Moscow, 2000. Issue 6. P. 62.
8. Krestovsky V. Twenty Months in the Active Army (1877-1878). Letters to the Editor of the Newspaper "Government Herald". St. Petersburg, 1879. Vol. 1. P. 169.
9. Lemke M.N. 250 Days at the Tsar's Headquarters. Pg., 1920. P. 136 – 137.
10. Manifesto of Alexander II on the declaration of war on Turkey. Russian Invalid. 1877. № 79.
11. Nemirovich-Danchenko Vas. I. Year of war (Diary of a Russian correspondent) 1877-1878. SPb., 1878. Vol. 1. P. 14.
12. Nikiforov K. The Tenth War 130 Years Later. Rodina. 2009. № 6. p. 25.
13. Prishchepa S., Shakhov A. How war correspondents began. Journalist. 1993. № 8. P. 10.
14. Problems of Russian history. M., 2000. Issue. 6. P. 69.
15. Russian State Historical Archive (hereinafter RGIA). F. 776. Op. 6. D. 139. L. 5.
16. Timofeev V.I. M.A. Gazenkampf – the first press secretary of the Russian army. Military History Journal. 2009. No. 5. P. 57.
17. Khristoforov I. Balkan endgame. Around the world. 2007. No. 4. P. 99.
18. Yakovlev O.A. War correspondents in the Russian army during the Russo-Turkish War of 1877-1878. Bulletin of Leningrad State University. 1978. No. 8. Issue 2. P. 60 – 61.

Информация об авторе

Кургузов Д.А., аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Ambassador79@mail.ru

© Кургузов Д.А., 2025